

ГРАНИ

31

1956

Бунин «о Чехове»

Через много, много лет проснулись: еще один великий писатель. При жизни Чехова было так: Чехов и Короленко, Чехов и Потапенко, Чехов и Горький. Теперь никто даже не улыбнется, если сказать — Толстой и Чехов, Достоевский и Чехов. Есть писатели временем умаляемые, есть такие, что со временем растут, Чехов бесспорно из последних.

Можно только пожалеть, что вслед за названием этой книги,^{*)} сказано: «неоконченная рукопись». Едва ли много най-

^{*)} И. А. Бунин. О Чехове, Изд-во им. Чехова, 1955 г.

дется сейчас в русской литературе и критике людей, способных сказать о Чехове такое большое слово, какое мог сказать — и отчасти сказал — Бунин.

«Он работал почти двадцать пять лет, и сколько плоских и грубых упреков выслушал он за это время! Один из самых величайших и деликатнейших русских поэтов, он никогда не говорил языком проповедника. А можно ли при этом рассчитывать на понимание и благосклонность критики в России? Ведь требовали же от Левитана, чтобы он «оживил» пейзаж... подрисовал коровку, гу-

сей или женскую фигуру! И, конечно, не сладко было Чехову иметь таких критиков, и много горечи они влили в его душу, и без того отравленную русской жизнью. И горечь эта сказывалась, но опять-таки только сказывалась.

... И чаще всего на разговоры о его славе и о том, что о нем пишут, он отвечал именно так — двумя, тремя словами или шуткой.

— Читали, Антон Павлович? — скажут ему, увидев где-нибудь статью о нем.

А он только похочит поперхнуться и, вытянув лицо, ответит своим грудным басом:

— Покорно вас благодарю! Напишут о ком-нибудь тысячу строк, а внизу прибавят: «а то вот еще есть писатель Чехов: нытик...» А какой я нытик? Какой я «хмурый человек», какая я «холодная кровь», как называют меня критики? Какой я «пессимист»? Ведь из моих вещей самый любимый мой рассказ — «Студент»... И слово-то противное: «пессимист»... Нет, критики еще хуже, чем актеры.

Были, конечно, исключения, но «исключениям» влетало не меньше, чем писателям, о которых они брались говорить. Недавно Ермилов окрестил М. Шестова «модным парикмахером» (со слов Толстого, правда; но Толстой, как известно, и Шекспира называл бездарностью, чем похвалиться может только Ермилов), а Бунин свидетельствует о Шестове вот что:

«Одна из самых лучших статей о нем принадлежит Шестову, который называет его беспощадным талантом. («Творчество из ничего», Петербург, 1908 г.).

Дело здесь не в Шестове, а в том, как понимать Чехова, как понимать вообще искусство. Если соглашиться с Ермиловым, Чехов окажется писателем маленьким, неинтересным: обличений мало. Но ведь не Ермилов же, в конце концов, определяет «последнее слово».

Бунин пишет не только о творчестве Чехова, но и о самом Чехове: последнее, может быть, даже интереснее. Пусть «творчество из ничего», художник всегда вырастает из человека.

«Что думал он о смерти?

Много раз старательно-твердо говорил,

что бессмертие, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме — сущий вздор:

— Это суеверие. А всякое суеверие ужасно. Надо мыслить ясно и смело. Мы как-нибудь потолкуем с вами об этом основательно. Я, как дважды два четыре, докажу вам, что бессмертие — вздор.

Но потом несколько раз еще тверже говорил противоположное:

— Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие — факт. Вот погодите — я докажу вам это...»

Нужно благодарить бунинскую одержимость смертью за такое ценное свидетельство. Многое открывает оно нам в Чехове. Открывает, например, истоки таких (как мог Чехов их написать? — такой вопрос слышим мы нередко) строк: «увидим небо в алмазах», «через триста лет земля зацветет как сад». Или его «чредо», о котором в предисловии пишет Алданов: «Мое святое святых это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода».

Сам Алданов вполне справедливо замечает: «Не очень ясно, не поймешь, например, что такое «абсолютнейшая свобода»... Не менее трудно понять, почему это земля, не ставшая садом за много миллионов прошедших лет, через триста вдруг изменит себя и зацветет. Но всему этому корень, как нам кажется, и надо искать в разговорах о бессмертии. С одной стороны, художник, чувствующий всю плоскость «позитивного» мышления, всю несостоятельность «доказательств», с другой стороны, русский интеллигент, считающий, что вера — суеверие.

Восхитительна история любви Чехова к Авиловой. Он любил ее, она его, но она была замужем, но у нее был муж, и вот развязка: она садится в поезд, он машет рукой — всё, конец. Никаких веревочных лестниц, никаких тайных свиданий. Чехов — Данте, Авилова — Беатриче. И какое счастье для нас, что всё это произошло в России и совсем не так давно! И какая надежда на будущее. Такой народ, среда, породившая такого человека и способности такой любви, не может погибнуть.

К. Глебов